

Сяо Юньнин остановилась в даосском храме Цинфэн. В первый день своего пребывания она попросила местных жителей найти надежного человека, который мог бы съездить в город и навести справки о ее отце и брате.

В течение двух дней подряд можно было сказать, что прогресса не было.

— Юная мисс, в Датуне все еще идет война. Может быть, и хорошо, что Правительственный Кабинет и Имперские Цензоры надавили на императора, чтобы он осудил Маркиза.

Сяо Юньнин сидела у окна. На подоконнике стоял цветок лотоса, сорванный в бассейне.

На пике лета, в июне, цветы лотоса были в полном расцвете. И вот теперь одинокий цветок был вставлен в вазу, как одинокая, но грациозная красавица.

Она протянула руку и нежно коснулась лепестков. Она наблюдала, как он дрожит, и сказала с печальным выражением лица:

— Это не обязательно хорошо. Я не знаю, что происходит при императорских дворах, и я не могу угадать мысли императора. Однако я знаю, что война не терпит отлагательств, и осуждение моих отца и брата в это время определенно повлияет на моральный дух армии. Сейчас армией в Датуне по-прежнему руководит Дядя Вэй.

Вэй Янь был давним другом ее отца. Все солдаты под его началом были обучены ее отцом.

В этот момент император не пошевелился. Больше всего он боялся повлиять на моральный дух армии. Местонахождение ее отца и брата все еще было неизвестно, что также могло дать солдатам Вэй Яня мотивацию сражаться изо всех сил. Итак, в течение последних нескольких дней она боялась думать о том, действительно ли ее отец и брат мертвы.

Неизвестное местонахождение ее отца и брата было лишь первым шагом, предпринятым императором для стабилизации армии. Если боевой дух армии в Датуне снова упадет и они будут уничтожены в бою, могут появиться плохие новости об исчезновении ее отца и брата.

К тому времени Вэй Янь был бы затронут. Враг легко воспользовался бы этой возможностью. Затем за этим последовало бы...

«Нет несчастья хуже

Чем недооценивать врага.

Недооценивая врага,

Я рискую потерять свое сокровище.

Таким образом:

Когда сражаются равные армии,

скорбящий одержит победу»*.

(*Это учение, которое пришло от «Дао Дэ Цзин» Лао-Цзы. Подробнее в конце главы)

Это она прочитала.

Она, должно быть, думает так, потому что до сих пор не получила письма от Вэй Яня после того, как с ее отцом и братом случился подобный несчастный случай. Должно быть, у его стороны не было возможности отправить письмо или письмо не могло дойти до нее.

Сяо Юньнин внезапно почувствовала уныние. Из ее груди вырвался прилив энергии. Она прикрыла рот рукой и несколько раз кашлянула.

Когда Юань Го увидела, что все ее тело дрожит, она быстро перестала говорить на эту тему. Она отвела взгляд и подумала еще об одном вопросе, о котором не рассказала ей.

— Юаня мисс, вы знаете, что люди в столице сейчас говорят о Второй Ветви и семье Ли? Брат Чэнь поинтересовался этой информацией и сказал, что простые люди каждый день ругают Вторую Ветвь. Они говорят, что Вторая Ветвь на самом деле отправила юную мисс в Датун, а после они все равно отправились к семье Ли, чтобы потребовать приданое.

— Их ругали как черносотенных злодеев, и семью Ли тоже ругали. Семья Ли намеренно обратилась к судье за списком приданого, чтобы вывести свою собственную семью из игры. Они сказали, что должны увидеть вас лично, прежде чем отдавать вам приданое. Имперские Цензоры отправляли свои отчеты императору. Так им и надо!

Юань Го уперла руки в бедра и сияла, когда говорила. В глубине души она была очень довольна.

Глядя на ее преувеличенный внешний вид, губы Сяо Юньнин невольно растянулись в легкой улыбке. Она также вспомнила, что даосская монахиня сказала о Ву Е.

Он путешествовал повсюду, и у него не было постоянного даосского храма.

Она также должна была отплатить за спасительную милость.

Как раз в тот момент, когда она подумала, что ее маленькая жизнь в этой деревне подошла к концу, у нее появился проблеск надежды. Теперь она все еще была жива и здорова.

Так что пока не было никаких определенных новостей о ее отце и брате, была надежда!

Она быстро снова воспрянула духом. Пришло время начать планировать оплату за спасительную благодать, и, возможно, однажды она снова увидит даосского священника.

— Юань Го, — она повернулась лицом к солнцу и посмотрела в окно на ряд зеленых деревьев. На ее нежном лице играла улыбка. — Пусть брат Чэнь скажет остальным, когда он завтра спустится с горы, что мы остановимся в даосском храме Цинфэн.

Ха?

Юань Го была потрясена.

— Юная мисс, почему?

Пока Сяо Юньнин наставляла Юань Го по этому поводу, прошло два дня с тех пор, как Е Шэнь вернулся во дворец. Он слушал новости Цзянь Иня о том, что простые люди критиковали участие семьи Е.

Цзянь Инь говорил некоторое время, затем остановился, чтобы посмотреть на цвет лица своего Мастера.

Но не имело значения, сказал ли он, что семья Е воспользовалась своим положением, чтобы запугать маленькую девочку, или что Е Шэнь был хладнокровен, присоединившись к издевательствам. У Е Шэня было безразличное выражение лица. В его глубоких, темных глазах не было ни печали, ни радости. Он действительно выглядел как монах, выпрыгивающий из мира смертных, в даосских одеждах на нем.

— Пятый Мастер, должны ли мы позаботиться об этих ничтожных людях? Если бы не мы, юная мисс из семьи Сяо была бы съедена до костей.

Е Шэнь по-прежнему никак не реагировал. Он с серьезным видом переписывал каллиграфию в тетрадь.

Видя, что Мастер не отвечает, Цзянь Инь тактично закрыл свой рот. В любом случае, то, что говорилось о его Пятом Мастере на протяжении многих лет, было гораздо резче, чем то, что распространялось сейчас.

Он бы позаботился о новостях, иначе его Пятый Мастер может потерять статус. Цзянь Инь

взял свой меч и приготовился выйти. Е Шэнь перестал писать и медленно произнес из-за его спины:

— Пусть люди распространят новость о ее возвращении в столицу.

Цзянь Инь неожиданно обернулся.

— Пятый Мастер, это для того, чтобы прояснить этот вопрос? И сказать им, что мы спасли юную мисс семьи Сяо?

— Только распространи новость о ее возвращении в столицу.

Е Шэнь осторожно повернул запястье, чтобы написать вертикальный росчерк и восходящий росчерк. На бумаге выделялись толстые черные чернильные пятна. Из ранее законченных штрихов образовалось слово. Он уставился на каллиграфию и отложил кисточку. В его сознании промелькнул взгляд, полный доверия и небольшой зависимости, когда она потянула его за рукава под деревом.

Его мать была права. Отправь Будду на Запад* и на этот раз помоги ей снова. Когда она покинет даосский храм Цинфэн, она не будет иметь с ним ничего общего.

(*送佛送到西 (sòngfó sòngdàoxī) — метафора, означающая делать хорошие вещи до конца).

Ей было неудобно оставаться там. В конце концов, это доставило бы его матери неприятности.

У Сяо Юньнин были свои планы, и она ждала поступления дополнительной информации. Однако она не ожидала, что Е Шэнь был тем, кто подливал масла в огонь. Потребовался всего один день, чтобы все в столице узнали, где она остановилась.

А в это время столица была занята другим делом, которое заставляло многие знатные семьи с нетерпением ждать его. Семья Ли тоже была одной из них.

— Мама, этот сын в последнее время был занят уроками, и у него нет свободного времени, чтобы пойти на банкет.

В резиденции семьи Ли Мадам Ли позвала своего сына приехать и повидаться с ней. После того, как ее добрые намерения были отвергнуты, ее лицо немедленно изменилось.

Мадам Ли со стуком поставила чашку на стол из красного сандалового дерева. Она подняла на него свои свирепые глаза и сказала:

— Преподаватели академии явно разрешили тебе заниматься дома в этом месяце. Какие там уроки? Я хочу, чтобы ты присутствовал на банкете, а ты придумываешь всевозможные отговорки. Ради твоей матери, тебе это причинит боль?

Цвет лица Ли Цинчжи выглядел не очень хорошо, когда его мысли были раскрыты. Он ничего не сказал и выпрямил шею*.

(*耿直(gěngzhébózi) — это также означает выражать недовольство)

Видимость того, что ее сына не тронули ни сила, ни убеждения, разозлила Мадам Ли.

С тех пор как Сяо Юньнин устроила беспорядок в семье Ли, ее муж не был добр к ней и почти не сказал ей ни слова. Ее сын тоже винил ее. Каждый день, когда он приходил засвидетельствовать свое почтение, это была всего лишь простая, небрежная фраза. Затем он разворачивался и уходил.

Она хотела, чтобы он развелся с Сяо Юньнин. В конце концов, для кого это было? Разве это было не для этой семьи?

Даже она, женщина в глубине дома, знала, что Правительственный Кабинет и Имперские Цензоры представили меморандум, в котором просили императора вынести решение по преступлениям семьи Сяо. Даже чиновники, которые были близки к семье Сяо, по очереди принимали участие в мемориале.

Без ее решительности семья Ли была бы унижена в этот момент. Им даже пришлось бы следить за будущим семьи Сяо. Как они могли не понять?

— Независимо от того, что ты думаешь в своем сердце, ты должен пойти со мной в этот день, — Мадам Ли была в плохом настроении, поэтому ей приходилось поддерживать сильный темп. — Старшая Принцесса редко устраивает банкет. На этот раз, поскольку она пригласила нашу семью, мы не должны быть грубыми!

Властное отношение его матери заставило Ли Цинчжи втайне вздохнуть. Когда он, наконец, посинел, он ничего не сказал, поклонился и сразу же ушел.

Мадам Ли была так рассержена его отношением, что швырнула свою чашку, расплескав содержимое по всему полу.

— Он действительно хочет разозлить меня до смерти! Это потому, что он не может забыть эту очаровательную лису?! — Мадам Ли стиснула зубы. Ее глаза были полны ненависти: — Даже кровная родственница вдовствующей императрицы не может сравниться с этой очаровательной лисой?

Пози, стоявшая рядом с ней, поспешила легонько похлопать ее по спине, чтобы успокоить ее гнев, и сказала:

— Мадам, не стоит сердиться. В конце концов, Второй Молодой Мастер молод, и он общался с юной мисс Сяо с детства, так что в сердце более или менее сохранилась привязанность. Когда он увидит принцессу Хуэйцзин и узнает, насколько прекрасна принцесса Хуэйцзин, он поймет, кто прекрасней.

— Но если ты смотришь на него вот так, есть ли у тебя чувство признательности? Банкет Старшей Принцессы состоит в том, чтобы выбрать мужа для своей дочери, принцессы Хуэйцзин, и только тогда можно сказать, что молодое поколение собралось вместе для захватывающего события.

Чем больше Мадам Ли говорила, тем больше она злилась. Она подняла руку и хотела швырнуть тарелку с фруктами, которая стояла на столе.

Пози немедленно взяла ее за руку и снова посоветовала.

— Мадам... Дело не в том, что эта служанка принижает себя. Просто подумайте об этом. В это время резиденция Старшей принцессы направила нашей семье Ли приглашение. В этом должен быть более глубокий смысл. Вы все еще помните, как принцесса Хуэйцзин встретила нашего Второго Молодого Мастера в начале весны этого года...

В тот момент, когда эти слова были произнесены, гнев на лице Мадам Ли внезапно исчез, и в ее глазах даже появилось счастливое выражение. Но эти эмоции длились всего мгновение. Она взяла себя в руки, чтобы снова не выместить свой гнев на этих презренных вещах. Она убрала руки и села прямо.

— Эти слова разумны, но, возможно, в этом нет необходимости. В этот день возьми его и привяжи к карете.

Пози знала, что Мадам Ли понравилось то, что она только что сказала. Пози поклонилась и несколько раз кивнула в знак согласия. Она сразу же похвалила Ли Цинчжи и похвасталась, что никто другой в столице, кроме него, не мог бы стать подходящей парой для принцессы Хуэйцзин.

Мадам Ли долгое время питала добрые чувства к принцессе Хуэйцзин. Ее настроение улучшилось, и она почувствовала себя довольной. Она быстро улыбнулась и приказала сшить для ее сына новую одежду, чтобы он мог надеть ее во время банкета.

Как только человек, выслушавший распоряжение, удалился, он увидел управляющего передним двором семьи Ли, который в панике спешил подойти и сказал, что хочет ее видеть. Все управляющие передним двором были частью людей Мастера Ли. Скорее всего, он пришел, услышав какие-то приказы. Лицо слуги немедленно озарилось улыбкой, и он пригласил его

предстать перед Мадам Ли

Управляющий почтительно поклонился и сказал спокойным и уравновешенным тоном:

— Мадам, Мастер просит вас переодеться и пойти с ним навестить юную мисс семьи Сяо.

Улыбка Мадам Ли тут же застыла на ее лице. Она неуверенно спросила:

— Навестить кого?

— Юную мисс семьи Сяо.

Улыбка на лице Мадам Ли полностью исчезла, и из ее уст вырвался резкий голос:

— Почему я должна идти к этой маленькой девке?!

* Лао-цзы — основатель даосизма, а «Дао Дэ Цзин» — фундаментальный текст философии даосизма.

Дао дэ цзин («Книга пути и достоинства») — основополагающий источник учения и один из выдающихся памятников китайской мысли, оказавший большое влияние на культуру Китая и всего мира. Основная идея этого произведения — понятие дао — трактуется как естественный порядок вещей, не допускающий постороннего вмешательства, «небесная воля» или «чистое небытие».

<http://tl.rulate.ru/book/76023/3891347>